

коннотации, свойственные английским именам собственным при осмыслении особенностей использования английских имен собственных на нормативном уровне. Используются английские имена собственные традиционно при обучении английскому в разговорной практике.

Литература

1. Леонович О.А. В мире английских имён. М.: ООО «Издательство АСТ». 2002. 160с.
2. Суперанская А.В. Структура имени собственного. М.: Наука, 1969. 207с.

*М. С. Поштанова (Россия, Элиста)
Научный руководитель Н. Л. Овшиева*

О ПОНЯТИИ ВЕРБАЛЬНОЙ ИРОНИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В статье рассматривается понятие вербальной иронии с точки зрения теорий иронии в прагматике и когнитивной лингвистике. Дается краткий теоретический обзор теории иронии как притворства Г. Кларка и Р. Геррига, как эха Д. Уилсон и Д. Спербера, как аллюзии С. Кумон-Накамура, С. Глюксберга и М. Браун и как значимой неуместности С. Аттардо. Делается вывод о том, что в современном языкознании преобладает отказ от традиционного понимания иронии как риторического тропа.

Ключевые слова: *теории иронии, вербальная ирония, прагматика, коммуникативная импликатура, принцип кооперации.*

Ирония имеет многолетнюю историю и известна еще со времен Древней Греции и Сократа. Исторически выделяют три типа иронии: вербальную, ситуативную и скрытую. В этой статье будет рассмотрена вербальная ирония, которая определяется как использование слов в значении, отличном от буквального значения и особенно противоположном ему [7].

На сегодняшний день вербальная ирония изучается не только с точки зрения литературоведения, где она традиционно рассматривается как троп и служит писателю для усиления художественной выразительности текста, но и с точки зрения прагматики, социолингвистики и когнитивной лингвистики.

Среди теорий иронии, получивших наибольшее признание и распространение, можно выделить теорию иронии как притворства Г. Кларка и Р. Геррига [3], как эха Д. Уилсон и Д. Спербера [11], как аллюзии (отсылке к несбывшимся ожиданиям) С. Кумон-Накамура, С. Глюксберга и М. Браун [8] и как значимой неуместности С. Аттардо [2].

В своем понимании иронии американские психолингвисты Г. Кларк и Р. Герриг опираются как на высказывания П. Грайса: «...быть ироничным значит притворяться» [6, с. 125], так и на определение иронии лексикографа Г. Фоулера: «Ирония – это форма высказывания, которая постулирует двойную

аудиторию, состоящую из одной стороны, которую слушающий должен слышать и не понимать, и другой стороны, которая, когда имеется в виду больше, чем воспринимается ухом, осознает и это большее, и непонимание постороннего» [4, с. 305]. Они рассматривают иронию как высказывание, имеющее двойное значение, скрытый смысл которого может понять только некий посвященный адресат, при этом адресант притворяется «неразумным» для остальной «непосвященной» аудитории [3, с. 27]. Для правильного понимания высказывания и адресат, и адресант должны иметь общие фоновые знания, совместный опыт. Таким образом, ирония в этом случае – это средство ранжирования адресатов, общение с «тайным кругом посвященных».

Другим популярным теоретическим осмыслением иронии является понимание вербальной иронии как эха, предложенное британским лингвистом Д. Уилсоном и французским антропологом Д. Спербером. По их мнению, ирония – это повторное упоминание высказанной идеи с оттенком неодобрения [11, с. 41]. Стоит отметить, что иронику обычно известны какие-то дополнительные факты о ситуации, что позволяет ему воспринимать первоначальное высказывание как ложное. И хотя данная теория идет дальше традиционного определения иронии как антифразиса, Кларк и Герриг указывают на то, что не все случаи могут быть объяснены эхоическим употреблением [3, с. 29].

В свою очередь исследователи С. Кумон-Накамура, С. Глюксберг и М. Браун, продолжая идеи Г. Кларк, Р. Геррига, Д. Уилсон и Д. Спербера, предлагают рассматривать иронию как отсылку к несбывшимся ожиданиям. Использование слова «ожидания» указывает на новый, когнитивный характер понимания иронии, что может быть продиктовано влиянием исследований по ситуативной иронии [9, 10]. Также авторы идут дальше и обосновывают идею о притворстве говорящего как нарушение прагматических правил дискурса, а именно максимы искренности [3]. Исследователи подчеркивают, что главная прагматическая функция иронии – выражение отношения говорящего к референту иронического высказывания [8, с. 57].

Наконец, специалист в области исследования юмора и его природы, С. Аттардо считает, что ирония – это явление чисто прагматическое и рассматривает ее как неуместное высказывание, которое, тем не менее, имеет отношение к контексту (*irony as relevant inappropriateness*) [2, с. 135]. В своей теории ученый придерживается подхода Грайса, который рассматривал иронию как коммуникативную импликацию [5, с. 42], и опирается на теорию Принципа кооперации (ПК), который включает в себя максимы количества, качества, релевантности и способа. Однако в отличие от П. Грайса, Аттардо считает, что ирония не всегда нарушает максимум качества и приводит ряд случаев, подтверждающих его позицию. Кроме того, он утверждает, что ироник зачастую дает понять о «ложности» высказывания ироничным тоном и мимикой.

Лингвист также приводит ряд примеров, которые не нарушают остальных максим Грайса, т.е. не могут быть идентифицированы как ирония, и которые, тем не менее, могут быть ироничны. В таком случае для более точного

обнаружения иронии он предлагает ввести *максиму уместности* (maxim of appropriateness), которая нарушается во всех приведенных случаях и критерием которой является истинность высказывания [1, с. 230]. По мнению С. Аттардо, в то время как ироник соблюдает максимы количества, качества, релевантности и способа, создавая ироническое высказывание, он пренебрегает максимальной уместности всегда, т.е. ирония отличается своей неуместностью.

Он указывает также на принцип «минимально возможного нарушения», который рекомендует говорящему ограничить его нарушение ПК наименьшей возможной разговорной единицей (одним высказыванием, одним речевым обменом). Если нарушение принципа кооперации минимально (как в случае с иронией) и позволяет продолжить разговор, то это нарушение имеет отношение к контексту и значимо для него, т.е. ирония не нарушает максиму релевантности. Таким образом, следуя логике Аттардо, ирония – это релевантная (относящаяся к контексту) неуместность.

Таким образом, прагматика под иронией понимает притворство или значимую неуместность, тогда как наука о мышлении, или когнитивистика рассматривает иронию как эхо, определяя ее как концепт, образ мышления той или иной группы. В свою очередь, в таких областях, как теория дискурса ирония рассматривается как аллюзия (отсылка к несбывшимся ожиданиям).

И, хотя представленные выше теории трактуют вербальную иронию по-разному, их авторы едины во мнении, что вербальная ирония – это нечто большее, чем просто риторический троп или литературный прием. Сегодня ирония – это «одновременно и инструмент мышления, и языковое явление, основная функция которого – выражение отношения к несоответствию между ожидаемым и наблюдаемым положением дел» [1, с. 228].

Литература

1. Шилихина К.М. Современные теории вербальной иронии: основные проблемы. Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 6. Воронеж, ВГУ, 2008. С. 228-230.
2. Attardo S. Irony as a Relevant Inappropriateness // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates. 2007. P.135-172.
3. Clark H.H., Richard J.G. On the Pretense Theory of Irony // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates. 2007. P. 25-35.
4. Fowler, H. W. A dictionary of modern English usage (2nd ed.). Oxford, England: Oxford University Press.1965.
5. Grice H. P. Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), Speech acts (Vol. 3). New York: Academic, 1975. P. 41-58.
6. Grice H. P. Further notes on logic and conversation. In P. Cole (Ed.), Syntax and semantics: (Vol. 9). Pragmatics. New York: Academic, 1978. P. 113-127.
7. Irony. 2019. In Merriam-Webster.com. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/irony> (дата обращения: 10.01.2019).
8. Kumon-Nakamura S., Glucksberg S., Brown M. How About Another Piece of Pie: The Allusional Pretense Theory of Discourse Irony // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. – New York, London: Lawrence Erlbaum Associates. 2007. P. 57-97.

9. Lucariello J. Situational irony: A concept of events gone awry. *Journal of Experimental Psychology: General*, 123 (2). 1994. P. 129–145. <https://doi.org/10.1037/0096-3445.123.2.129>.

10. Muecke D. C. *The compass of irony*. London: Methuen, 1969.

11. Wilson D., Sperber D. *On Verbal Irony // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader*. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. New York, London: Lawrence Erlbaum Associates. 2007. P. 35-57.

*Д.А. Шарманжинова (Россия, Элиста)
Научный руководитель Н.Л. Овшиева*

ПАРЕМИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ, ИСПАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

В статье рассматриваются лингвокультурологические характеристики фразеологических единиц – паремий в англо-американской, испанской и русской культурах. Проведенный анализ пословиц по их содержанию позволил выявить особенности языковых и культурных картин мира англо-, испано- и русскоговорящих народов. Было установлено, что языковые и культурные картины мира англичан, испанцев и русских имеют как сходства, так и значительные различия в зависимости от рассматриваемого концепта.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, паремия, английский язык, испанский язык, русский язык

Лингвокультурология является актуальным направлением научных исследований, которое представляет собой изучение отношения между языком и культурными концептами [1, с. 22]. Рассмотрение вопроса актуальности изучения лингвокультурологических особенностей на примере различных концептов в англо-американской, испанской и русской лингвокультурах, с одной стороны, может быть обусловлено желанием лучшего понимания собственной культурной модели, а с другой – активным межкультурным взаимодействием и ответственностью, которую возлагает на исследователя важность трансляции культурных ценностей англо-американской культуры перед лицом других культур. Формой языковой экспликации лингвокультурного концепта могут быть различные составляющие, такие как:

- 1) лексемы,
- 2) различные фразеологические образования (идиомы, паремии (пословицы), поговорки, афоризмы),
- 3) тексты [5, с. 44].

Настоящая работа посвящена изучению паремий как формы языковой экспликации лингвокультурного концепта, рассматриваемого в английской, испанской и русских лингвокультурах. Каждая культура обладает корпусом образцовых норм и ценностей, определяющих ее уникальность и своеобразие. Воспроизводя языковое сознание с четко выраженными мифологическими эле-